

О СОЦИУМЕ КАК ОБЪЕКТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИЗИСЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Специфика общества как предмета для научных исследований не является секретом. Общественные науки зачастую трактуются как «мягкие» по сравнению с «твердыми» естественно-научными дисциплинами. Эти характеристики призваны отразить тот факт, что в социальных исследованиях существенно меньшее значение имеет выявление строгих причинно-следственных связей, а существенно большее - интуиция, описание происходящих процессов, их общая качественная оценка с применением не всегда однозначно трактуемых критериев.

Экономическая теория стоит в этом отношении особняком. Сердцевиной ее предмета является вопрос о возможностях оптимального использования ограниченных ресурсов, что предопределяет необходимость широкого применения математического инструментария. Упор на его совершенствование, постоянно усиливавшийся в рамках так называемого «мэйнстрима» в течение всего XX века, дал свои плоды: многие представители естественных наук стали рассматривать экономистов-теоретиков как коллег, опирающихся в своих исследованиях на «подлинно научные методы».

Но вот беда: среди самих экономистов все большее распространение получают представления, согласно которым их наука переживает кризис. Для того, чтобы понять причины такого положения дел, следует внимательно посмотреть на то, что представляет из себя сегодня «каноническая» общая экономическая теория.

Со времен Дж. М. Кейнса эта наука включает два, как будет показано ниже, плохо стыкующихся друг с другом раздела – микро- и макроэкономике.

Современная микроэкономическая теория представляет совокупность самостоятельных моделей (модели потребительского выбора, фирмы, отраслевого и общего равновесия и т.п.), составными частями которых являются

гипотезы (аксиомы), рассуждения дедуктивного характера (в частности, математические преобразования), конкретные выводы. Причем выводы, получаемые на основе каждой модели, призваны иметь форму, позволяющую проводить проверку их соответствия положению дел в реальной экономике. Соблюдение этого последнего требования, по мнению представителей «мэйнстрима», позволяет превратить микроэкономику в подлинную эмпирическую науку, тем самым приближая ее к стандартам соответствующих естественнонаучных дисциплин.

Достоинством такого подхода является то, что он позволяет получить представление о характере функциональных зависимостей, проявляющихся «на поверхности» хозяйственной жизни. Но у него есть, по крайней мере, два серьезных недостатка – соответственно, сугубо методологического и содержательного свойства.

Первый заключается в том неудобном для исследователя обстоятельстве, что, формулируя любую из упомянутых выше моделей, приходится вводить в нее категории, природа которых до этого не была определена. К примеру, в модели потребительского выбора такими понятиями являются рыночные цены товаров и доход потребителя, в модели фирмы – цены, издержки, процентная ставка. Содержательный порок состоит в том, что результатом исследования становятся выводы, относящиеся к экономической системе с изначально строго заданными параметрами, характерными для модели, прежде всего, совершенной рыночной экономики. А это означает, что современная микроэкономическая теория в силу особенностей своего построения характеризуется институциональной статичностью.

Может показаться, что микро- и макроэкономика лишь поделили между собой поле экономических исследований: микроэкономика имеет дело с отношениями отдельных хозяйствующих субъектов (как индивидуальных, так и групповых), а макроэкономика с функционированием экономики в целом. Увы, это не совсем так. Проблема в том, что эти два раздела современ-

ной экономической теории опираются на различные методологические основы, а потому, по сути, представляют собой две различных науки¹.

Микроэкономическая теория исключает межличностное сравнение полезностей, а потому рассматривает как бессмысленное суммирование индивидуальных доходов для характеристики благосостояния группы. Между тем в макроэкономике валовый внутренний продукт (доход) рассматривается как ключевой показатель экономического развития страны. Бессмысленным, с точки зрения микроэкономики, является и такой макроэкономический показатель, как общий уровень цен. Для микроэкономики существует лишь вектор цен, и это связано с тем, что средний их уровень не может быть однозначно определен: ведь он зависит от того, структура выпуска какого периода берется за базу. Точно так же, с точки зрения микроэкономики, отсутствуют основания для введения в анализ производственной функции экономики в целом, обобщающей множество производственных функций, каждая из которых характеризует совокупность технически эффективных технологий в конкретных областях деятельности. Между тем, именно такая агрегированная производственная функция лежит в основе современных теорий экономического роста.

Основной особенностью классической макроэкономики является то, что она как бы «сплющивает» в простое скалярное представление сложную «векторную реальность». Надеяться на то, что работа по подведению микроэкономических основ под макроэкономическую науку² изменит такое положение дел не приходится. До тех пор, пока проблематика экономического роста остается одной из центральных задач макроэкономики, методологическая несовместимость двух разделов современной теории будет сохраняться. В случае же замены проблематики экономического роста, ориентированной

¹ В 1967 г. К. Эрроу охарактеризовал разрыв между микро- и макроэкономикой как «крупный скандал» («major scandal») (Arrow, K.J. “Samuelson Collected”. //Journal of Political Economy. 1967, # 75. PP. 730-737).

² О ее результатах, см., например, шестую главу известного учебника: Ромер, Д. Высшая макроэкономика. Учебник. Изд. дом Высшей школы экономики. М., 2014

на динамику одного агрегированного показателя, проблематикой экономического развития, макроэкономика в ее нынешнем виде просто исчезнет.

В качестве наиболее убедительных свидетельств кризиса современной экономической науки рассматриваются, с одной стороны, ее очевидные провалы в предсказании важных экономических событий, а, с другой, - неоднократно проявлявшаяся неэффективность многих рекомендаций, предлагавшихся от ее имени. Самым ярким примером первого рода стал грандиозный мировой финансово-экономический кризис 2007-2009 гг., по иронии судьбы разразившийся вскоре после того, как представители «мэйнстрима» уверились в том, что проблема предотвращения депрессий ими решена³. Примеров второго рода более, чем достаточно. Ограничимся упоминанием о теперь уже общепризнанной неэффективности мероприятий, известных под названием «Вашингтонский консенсус», усиленно навязывавшихся постсоциалистическим государствам.

Неудовлетворенность ответами, которые дает «мэйнстрим» на вызовы современного мира, привела к быстрому распространению так называемых «гетеродоксальных» подходов к анализу экономических проблем. Их сторонники подвергают сомнению оправданность самой попытки построить экономическую теорию по образу и подобию теоретических естественнонаучных дисциплин, а именно: на аксиоматической основе, с опорой на логические умозаключения и с широким применением математического аппарата⁴. Соответственно, объектом критики становится и заведомая упрощенность тех предположений (аксиом) в отношении особенностей человеческого пове-

³ См. Lucas, R. Macroeconomic Priorities. //American Economic Review, 2003, #93 (1). PP. 1-14

⁴ Сомнения такого рода высказывались и ранее. Известный британский экономист первой половины XX века А.Пигу допускал существование «чистой экономической теории», но относился к ней весьма иронично. Он писал, что «...чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов¹. В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой² придается значение мотивов, приписываемых экономическому – или нормальному – человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой³ состоит из трудолюбия и ненависти к доходам». Но, несомненно, все его симпатии были на стороне «реалистической экономической науки»: «Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов» (Pigou, Arthur C. The Economics of Welfare. Macmillan and Co. London 1932, Fourth edition, PP. 5-6)

дения, на которые опирается «экономикс». Среди них - теоретические конструкции, используемые современной экономической теорией для характеристики как индивидуального поведения, так и социального целеполагания⁵. В связи с этим внимание привлекается к тому факту, что в обществе действуют наделенные сознанием и обладающие собственными интересами агенты, чьи представления о действительности могут непосредственно влиять на нее⁶. Одним из результатов такого положения дел оказывается изменчивость хозяйственной среды, приводящая к быстрому устареванию любых ее претендующих на завершенность моделей. Наконец, подчеркивается ошибочность игнорирования неэкономических факторов хозяйственного развития, в особенности факторов культурного и политического характера.

Нельзя не признать справедливость критики многих сторон «неоклассики» со стороны представителей «гетеродоксии» в экономической науке. В то же время следует видеть, что в своей крайней форме этот подход неизбежно подводит к отказу в праве на существование общественным наукам вообще, и экономической теории, в частности. В условиях, когда отвергается возможность научных обобщений, для решения практических задач остается лишь «общий социальный анализ». Последний, фактически, рассматривается не как наука, а как междисциплинарный инструментарий, пригодный для изучения частных случаев – так называемых *case studies*⁷.

⁵ Так, автор концепции «нового прагматизма» Г. Колодко считает чрезмерно упрощенными следующие отправные пункты стандартной теории: парадигму максимизации богатства, убежденность в рациональном поведении экономических агентов и веру в то, что рыночный механизм гарантирует эффективное управление экономикой (Kolodko, G.W. *Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World*. Columbia University Press. New York, 2011, P. 72). Он же подвергает критике одномерный подход современной макроэкономики к проблеме экономического прогресса и отождествлению последнего с ростом ВВП (Kolodko, G.W. *Whither the World: The Political Economy of the Future*. Palgrave Macmillan, 2014, P. 33).

⁶ «...Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться» (Полтерович, В. Становление общего социального анализа. В: «Выдающиеся экономисты современности. Энциклопедия». М., 2013, С. 178)

⁷ По мнению В. Полтеровича, предметом общего социального анализа является функционирование и развитие общественных институтов в целом. При этом исследования в его рамках должны опираться на единую базу данных, а общий аналитический аппарат - состоять из методов статистической обработки данных (эконометрики) и теории игр как абстрактной дисциплины, объясняющей формирование норм поведения (Полтерович, В. Становление общего социального анализа. В: «Выдающиеся экономисты современности. Энциклопедия». М., 2013, 184).

Разумеется, одна из основных особенностей социума как объекта изучения состоит в том, что в его рамках взаимодействуют люди, обладающие сознанием и руководствующиеся в своих действиях собственными интересами. Общественные (в том числе экономические) институты являются продуктом их деятельности. Но вот вывод о том, что в этих условиях в экономической системе не могут формироваться устойчивые закономерности, поддающиеся научному обобщению, убедительным не представляется

Хорошо известна сложность современной экономической системы, буквально пронизанной огромным количеством взаимозависимостей между экономическими агентами, действующими в значительной степени независимо друг от друга. Тем важнее то обстоятельство, что несмотря на это рыночная экономика отнюдь не идет «вразнос», а демонстрирует способность обеспечивать более или менее упорядоченное развитие. Это само по себе дает веское основание для предположения о существовании объективно действующих сил, направляющих энергию самостоятельных участников хозяйственной жизни в конструктивное русло. Можно предположить, что наличие устойчивых закономерностей в экономической сфере связано с тем, что различным людям свойственны однородные устремления, возможности реализации которых наталкиваются на однотипные ограничения. Как бы то ни было, общая экономическая теория насчитывает уже, по меньшей мере, четырехсотлетнюю историю, в ходе которой многочисленным исследователям удалось добыть немало очень полезных и получивших практическое подтверждение сведений о том, как функционирует рыночная система.

Не представляется убедительным и приводившийся выше тезис, в соответствии с которым самостоятельная экономическая теория не имеет права на существование, поскольку хозяйственные решения по своей природе включают в себя ценностные, а во многих случаях и политические аспекты. Слов нет, общество представляет собой сложный объект, обладающий политическими, экономическими, социальными и культурными измерениями. Но и предметом чистой экономической теории является не изолированная сфера

социума, а социум в целом, правда, рассматриваемый под особым углом зрения.

Но если экономическая теория – это взгляд на социум с экономической точки зрения, то она не может полностью абстрагироваться от явлений, которые являются главным предметом исследования для других дисциплин. Да она никогда и не выводила за рамки своего предмета соответствующие явления. Легко убедиться, что без обращения к системе предпочтений, а, следовательно, и ценностям человека невозможно построить модель потребительского выбора. Не «чужим» для экономической теории является и основной субъект политической системы – государство. Без него невозможно ни само функционирование рыночной экономики (вспомним о важности формализации и обеспечения соблюдения правил экономической игры), ни борьба с «провалами рынка», ни учет того, что интересы отдельных членов общества не сводятся к интересам «экономического человека». Внимание, которое в экономической теории уделяется проблематике общественного выбора (в том числе и в части, касающейся справедливого распределения доходов), убедительно подтверждает, что она включает в себя и социальное измерение.

Вот почему вывод из кризиса современной экономической теории, по моему убеждению, связан не с отказом от применения дедуктивного метода, опирающегося на ограниченный набор аксиом, а с преодолением ее институциональной статичности, а также четким определением места в системе экономических и, более широко, общественных наук.

Обнаружить логику в развитии форм организации экономической жизни помогает методологический подход, состоящий в сочетании генетического и функционального анализа. Он, как известно, в основных чертах был разработан еще К. Марксом, двухсотлетие которого отмечается в нынешнем году. В современных терминах сутью такого подхода является переход от совокупности отдельных моделей, описывающих проявляющиеся на поверхности функциональные зависимости между элементами экономической системы, к системе вытекающих друг из друга моделей, характеризующих иссле-

дуемый объект на различных уровнях абстракции. Оказывается, что эта методология позволяет не только непротиворечивым способом прийти к тем же, что и в «неоклассике» результатам в отношении функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности рыночной экономики, но и выявить основные силы институциональной динамики, определяющей становление и возможные направления развития этой хозяйственной системы⁸.

Но вот что важно иметь в виду. Чистая экономическая теория, построенная на основе дедуктивного метода, позволяет сформировать не более, чем «интеллектуальный макет» экономической системы. Выше уже отмечалось, что экономическая теория не может совсем обойтись без учета ценностных и политических факторов общественного развития. Но эти факторы не являются для экономической теории предметом специального, углубленного исследования. Они вводятся в нее аксиоматически, в упрощенном, удобном для формализации виде. И это, конечно, является одной из причин⁹ того, что экономическая теория не позволяет сама определять точные значения параметров, характеризующих конкретную экономическую систему в конкретных обстоятельствах. Именно поэтому она должна рассматриваться не как точное отражение изучаемого объекта, а как его макет. В этом важнейшее отличие «экономических законов», скажем, от законов механики. Поэтому и задача теории здесь существенно уже: выявить соподчиненность и взаимодействие основных элементов экономической системы, определить природу и направленность институциональных преобразований.

Ни при каких обстоятельствах «чистая экономическая теория» не может обеспечить прямой выход на практические рекомендации, касающиеся

⁸ Попытка реализовать этот подход была предпринята мною в: Некипелов, А. Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ, 2006; Некипелов, А. Общая теория рыночной экономики. М.: Магистр, 2017

⁹ Именно «одной из». Не поддаются непосредственному определению, скажем, индивидуальные функции полезности, да и само количество переменных в конкретной экономике столь велико, что невозможно не только обработать весь объем информации, но просто собрать его.

путей решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются отдельные государства, их интеграционные объединения, глобальная экономика в целом. Попытка создания точной виртуальной копии современной экономики обречена на провал, причем по двум причинам.

Первая имеет сугубо технический характер: усилия, связанные со сбором и обработкой необходимой для этого информации, превышают любые мыслимые границы. Вторая имеет принципиальное значение и связана с природой самого человека. Дело в том, что некоторые параметры, отражающие особенности его поведения, являются, по сути своей, изменчивыми, причем непредсказуемо изменчивыми. Так, невозможно однозначно определить характер экономических ожиданий членов общества, а с ними – и их реакцию на изменяющиеся экономические переменные. По природе своей неоднозначным является понятие социального оптимума, а потому невозможно предугадать те конкретные механизмы принятия групповых решений, которые будут использовать члены социума, какие конкретно цели они будут перед собой ставить.

Следствием всех этих обстоятельств является формирование своеобразной «зоны неопределенности» между моделью, описываемой «чистой экономической теорией», и реальной экономикой¹⁰. Именно это и отличает экономическую теорию как социальную науку от таких естественно-научных дисциплин, как теоретическая механика.

Отсюда следует, что для принятия практических решений альтернативы использованию упрощенных моделей, основанных на агрегированной и, в известном смысле, разнородной информации, просто не существует. Справедливо и то, что применяемый для этого инструментарий не может не иметь эклектичного характера. В его состав входят и классические макроэкономические модели, и эконометрические разработки, и социологические обследо-

¹⁰ См. Nekipelov, A. *Novy pragmatyzm Grzegorza W. Kolodki – alternatiwa czy uzupelnienie teorii ekonomii?* В: *Ekonomia przyszlosci. Wokol nowego pragmatizmu Grzegorza Kolodko*. Red. Naukowa Maciej Baltowsky. PWN, Warszawa, 2016

вания. Поиск оптимальных решений, несомненно, требует учета культурных и социально-психологических особенностей общества, характера действующих в его рамках политических механизмов. Иными словами, при анализе конкретных ситуаций, применение инструментария междисциплинарного анализа, просто необходимо. Что касается экономической теории, то она призвана играть роль своеобразного ориентира, позволяющего правильно организовать усилия исследователя.